

Kahlil Gibran

The Prophet

Халиль Джебран

Пророк

Перевод Анны Бабяшкиной

**LIVE
BOOK**

Москва

2022

Прибытие корабля

Аль-Мустафа, избранный и желанный, зря своего дня, двенадцать лет ждал в городе Орфалезе возвращения корабля, что отвезет его на остров, где был он рожден.

И в двенадцатый год, на седьмой день Айлула, месяца жатвы, взошел он на холм за стенами града и взглянул на море, и узрел корабль свой, надвигающийся с туманом.

И врата сердца его распахнулись, и радость его полетела над морем. И закрыл он глаза, и молился в тишине души своей.

The Coming of the Ship

Almustafa, the chosen and the beloved, who was a dawn unto his own day, had waited twelve years in the city of Orphalese for his ship that was to return and bear him back to the isle of his birth.

And in the twelfth year, on the seventh day of Ielool, the month of reaping, he climbed the hill without the city walls and looked seaward; and he beheld his ship coming with the mist.

Then the gates of his heart were flung open, and his joy flew far over the sea. And he closed his eyes and prayed in the silences of his soul.

Но когда он спускался с холма, печаль охватила его, и подумал он в сердце своем:

Как уйти мне с миром и без сожалений?
Нет, не покину я этот город без раны в душе.
Долгими были дни страданий в стенах его,
и долгими были одинокие ночи; кто же оставляет свои страдания и одиночество без сожалений?

Щедро усеяны осколками моей души эти улицы, и бесчисленные дети моей тоски бродят нагими среди этих холмов, и не могу я оставить их с легким сердцем и без печали.

Не одежду сбрасываю я сегодня, но кожу, что разрываю собственными руками.

Не мысль оставляю позади, но сердце, смягченное голодом и жаждой.

But as he descended the hill, a sadness came upon him, and he thought in his heart:

How shall I go in peace and without sorrow? Nay, not without a wound in the spirit shall I leave this city. Long were the days of pain I have spent within its walls, and long were the nights of aloneness; and who can depart from his pain and his aloneness without regret?

Too many fragments of the spirit have I scattered in these streets, and too many are the children of my longing that walk naked among these hills, and I cannot withdraw from them without a burden and an ache.

It is not a garment I cast off this day, but a skin that I tear with my own hands.

Nor is it a thought I leave behind me, but a heart made sweet with hunger and with thirst.

И все же более медлить нельзя.

Море, что призывает все сущее, зовет и меня, и я должен отправиться в путь.

Ибо остаться, даже на несколько сгорающих ночных часов, — значит застыть, закаменеть, стать неизменным.

Охотно я взял бы с собою все здешнее, но как?

Голосу не унести с собой язык и губы, что отравили его в полет. Он один пробивается сквозь эфир.

И орел, оставив свое гнездо, один взлетает к солнцу.

Достигнув подножия холма, он оглянулся на море, и увидел корабль, входящий в гавань, а на носу его — моряки, люди родной его земли.

Yet I cannot tarry longer.

The sea that calls all things unto her calls me, and I must embark.

For to stay, though the hours burn in the night, is to freeze and crystallize and be bound in a mould.

Fain would I take with me all that is here. But how shall I?

A voice cannot carry the tongue and the lips that gave it wings. Alone must it seek theether.

And alone and without his nest shall the eagle fly across the sun.

Now when he reached the foot of the hill, he turned again towards the sea, and he saw his ship approaching the harbour, and upon her prow the mariners, the men of his own land.

И душа его возвала к ним, и сказал он:
Сыновья праматери моей, оседлавшие волны,

Сколько раз вы приплывали в моих снах,
и теперь явились к моему пробуждению, что
пленительнее всех грез.

Готов я идти, и паруса моего нетерпения
расправлены в ожидании ветра.

Лишь раз еще вдохну этот воздух покоя,
лишь раз оглянусь с любовью назад,

И стану среди вас, моряк среди моряков.
О безбрежное море, недремлющая мать,

В тебе одной и мир и свобода — и реке,
и ручью,

В последний раз петляет ручей по этой
поляне, еще один всплеск,

И я растворюсь в тебе — бескрайняя капля
в бескрайнем океане.

And his soul cried out to them, and he said:
Sons of my ancient mother, you riders of
the tides,

How often have you sailed in my dreams.
And now you come in my awakening, which is
my deeper dream.

Ready am I to go, and my eagerness with
sails full set awaits the wind.

Only another breath will I breathe in this
still air, only another loving look cast backward,

And then I shall stand among you, a seafarer
among seafarers. And you, vast sea, sleepless
mother,

Who alone are peace and freedom to the
river and the stream,

Only another winding will this stream make,
only another murmur in this glade,

And then shall I come to you, a boundless
drop to a boundless ocean.

Он шел и видел издали мужчин и женщин, спешащих со своих полей и виноградников к городским воротам.

Слышал их голоса, выкликавшие его имя, — с поля на поле, из уст в уста летела весть о приходе его корабля.

And as he walked he saw from afar men and women leaving their fields and their vineyards and hastening towards the city gates.

And he heard their voices calling his name, and shouting from field to field telling one another of the coming of his ship.

И сказал он себе:

Станет ли день расставания днем общей встречи?

И будет ли закат воистину моим рассветом?

Чем одарю я того, кто оставил плуг свой в разгар дня и остановил колесо своей винодельни? Станет ли сердце мое деревом, изнемогающим под тяжестью плодов, что соберу и отдам им?

Прольются ли мои пожелания потоком, что наполнит их чаши?

Арфа ли я, которой коснется рука Всевышнего, флейта ли, что зазвучит Его дыханием?

Я, всегда искавший безмолвия, какое сокровище в нем нашел, чтобы делиться им смело?

Если пришла моя пора собирать урожай, то где я посеял семена и в какое незапамятное время?

Если настал мой час поднять фонарь, то не мое пламя будет гореть в нем

And he said to himself:

Shall the day of parting be the day of gathering?

And shall it be said that my eve was in truth my dawn?

And what shall I give unto him who has left his plough in midfurrow, or to him who has stopped the wheel of his winepress? Shall my heart become a tree heavy-laden with fruit that I may gather and give unto them?

And shall my desires flow like a fountain that I may fill their cups?

Am I a harp that the hand of the mighty may touch me, or a flute that his breath may pass through me?

A seeker of silences am I, and what treasure have I found in silences that I may dispense with confidence?

If this is my day of harvest, in what fields have I sowed the seed, and in what unremembered seasons?

If this indeed be the hour in which I lift up my lantern, it is not my flame that shall burn therein.

Пустым и темным поднимаю я его,
Хранитель ночи наполнит его маслом, он
и зажжет.

Так сказал он. Но еще больше неизреченного осталось в его сердце. Ибо главную свою тайну и сам он не мог открыть.

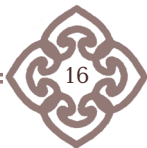
И когда вошел он в город, все люди высыпали ему навстречу и как один приветствовали его.

Выступили вперед старейшины и сказали:
Не покидай нас теперь.

Ты был полднем среди сумерек наших,
и юность твоя давала нам отвагу мечтать.

Не чужак ты среди нас, и не гость, а сын
наш горячо любимый.

Не пришла еще пора нашим глазам то-
сковать о твоём лице.

Empty and dark shall I raise my lantern,
And the guardian of the night shall fill it with
oil and he shall light it also.

These things he said in words. But much
in his heart remained unsaid. For he himself
could not speak his deeper secret.

And when he entered into the city all the
people came to meet him, and they were crying
out to him as with one voice.

And the elders of the city stood forth and said:
Go not yet away from us.

A noontide have you been in our twilight,
and your youth has given us dreams to dream.

No stranger are you among us, nor a guest,
but our son and our dearly beloved.

Suffer not yet our eyes to hunger for your
face.

Жрецы и жрицы сказали ему:

Пусть не разлучат нас сейчас морские волны, и не станут воспоминанием годы, что ты провел среди нас.

Словно дух ты парил между нами, и тень твоя освещала наши лица.

Безмерно любили мы тебя. Но молчаливой была наша любовь и пологом сокрыта.

А теперь она кричит о себе и встает пред тобою как есть.

И никогда любовь не знает своей глубины до самого часа разлуки.

And the priests and the priestesses said
unto him:

Let not the waves of the sea separate us now,
and the years you have spent in our midst be-
come a memory.

You have walked among us a spirit, and your
shadow has been a light upon our faces.

Much have we loved you. But speechless
was our love, and with veils has it been veiled.

Yet now it cries aloud unto you, and would
stand revealed before you.

And ever has it been that love knows not its
own depth until the hour of separation.

И прочие тоже пришли и умоляли его. Но он не ответил. Лишь поник головой, и стоявшие рядом узрели слезы, упавшие ему на грудь.

Вместе с народом пошел он к широкой площади перед храмом.

И вышла из святилища женщина, звали ее Альмитра. И была она провидицей.

И взглянул он на нее с неизбывной нежностью, ибо именно она первой разглядела его, и поверила в него, в первый же день его пребывания в городе. И она приветствовала его такими словами:

Пророк Божий, в поисках высшего давно уже ты высматривал вдали корабль свой.

И вот явился твой корабль, и время тебе уйти.

Земля, что хранит твои воспоминания, вместилище твоих желаний, зовет тебя,

And others came also and entreated him. But he answered them not. He only bent his head; and those who stood near saw his tears falling upon his breast.

And he and the people proceeded towards the great square before the temple.

And there came out of the sanctuary a woman whose name was Almitra. And she was a seeress.

And he looked upon her with exceeding tenderness, for it was she who had first sought and believed in him when he had been but a day in their city. And she hailed him, saying:

Prophet of God, in quest of the uttermost, long have you searched the distances for your ship.

And now your ship has come, and you must needs go.

Deep is your longing for the land of your memories and the dwelling place of your greater